Назначение повести заключалось в том, чтобы дать новый агиографически просветленный образ идеального князя, блистающего всеми возможными христианскими, даже специально монашескими добродетелями. Задаче этой, продиктованной данной конкретной политической ситуацией, и была подчинена как повесть в целом, так и все ее составные части; тот факт, что образ этот, навязанный тому или иному князю, подчас вступал в вопиющее противоречие с его же изображением, но в рассказах документального типа, — летописца ни в какой мере не смущал.

Повесть, изображая человека, по возможности стремилась устранить все черты его индивидуального характера: только освобожденный от всего „временного", всего „частного" и „случайного", человек мог стать героем агиографического повествования — обобщенным воплощением добра и зла, „злодейства" или „святости". На практике это привело и не могло не привести к тому, что все герои повести стали напоминать один другого — обладать одними и теми же чертами „характера", в сходных обстоятельствах поступать одинаково, произносить одни и те же слова, даже часто двигаться и жестикулировать в одном и том же направлении. Для всех положений у агиографа уже была своя предустановленная схема: нередко она переносилась из повести в повесть без всяких изменений — не потому, что у автора не было в запасе другой, собственного изобретения, а потому, что схема такая ценилась автором сама по себе, как уже найденная и закрепленная для данного положения наиболее совершенная его „норма";[1] здесь сходство — результат не столько подражания готовым литературным образцам, сколько проявления характерной для всякого агиографа тенденции свести к некоему абстрактному „единству" все многообразие действительности.

Написанные в агиографическом стиле повести Киевской летописи в этом отношении не представляют собою какого-либо исключения.

Объединенные единством замысла — дать „идеальный" образ князя-мученика, „страстотерпца" — повести об убийстве Игоря Ольговича и об убийстве Андрея Боголюбского[2] составлены по одной и той же схеме; очертания ее проступают достаточно четко. Игорь Ольгович знает (откуда в повести не сказано; очевидно, свыше) о готовящемся на него покушении, но ничего не предпринимает, чтобы предотвратить опасность; он отправляется в церковь монастыря святого Федора и здесь, вздыхая и проливая слезы, ищет утешения в благочестивых размышлениях и молитве. Знает о заговоре против него и Андрей Боголюбский, тоже ничего не

---

[1] Это же явление на примере ряда метафор древне-русской литературы недавно отмечено В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. Изд. АН СССР, М. — Л., 1947, стр. 9 и сл.

[2] В той своей версии, в какой повесть эта читается в Ипатьевской летописи, она несомненно была составлена в Киеве; только киевлянин мог дать, в начале повести, это пояснение: „Создал же бяшеть собе город камен, именемь Боголюбый, толь далече якоже Вышегород от Кыева, такоже и Боголюбый от Володимеря (стр. 394—395).